

DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.2.007

УДК 291.1

*Л. Е. Шапошников**

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. ПИРОГОВА

Цель данной работы — рассмотреть эволюцию взглядов Н. И. Пирогова и определить ее своеобразие: путь от детской религиозности к безрелигиозному эмпиризму и, наконец, к сознательному обретению веры. В процессе исследования выявляются причины этого процесса, а также анализируется аргументация ученого в решении вопроса о позитивном влиянии религиозности на личность. При проведении исследования использовались общеполитические методы (анализ, синтез, аналогия, сопоставление, интерпретация), сравнительно-исторический метод, а также элементы методики реконструкции для создания политического портрета мыслителя. В качестве значимой характеристики политического творчества мыслителя анализируется его внимание к политическим проблемам и признание им методологической роли этой науки. При рассмотрении педагогических идей Н. И. Пирогова значительное место уделяется взглядам мыслителя на школьное образование, отмечается его отрицательное отношение к «экзаменационному направлению» в образовании, а также обоснование им важности специальной подготовки учителя и повышения его статуса. В работе анализируются установки ученого, связанные с интерпретацией истории России и оценкой путей ее развития, которые в целом носят либеральный характер. Делается вывод о значимости ряда идей Н. И. Пирогова для развития сегодняшней системы образования и процесса его модернизации, что обеспечивает актуальность исследования.

Ключевые слова: религиозная вера, церковь, христианство, философия, наука, реформы, мировоззрение, образование, воспитание, учитель.

L. E. Shaposhnikov

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL VIEWS OF N. I. PIROGOV

The aim of the present article is to examine the development of N. Pirogov's views and to analyse their characteristic features. The scholar went a long way from naïve religiousness

* Шапошников Лев Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ФГБУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»; Shaposhnikov_le@mininuniver.ru

to nonreligious empirism, and, eventually, conscious choice in favour of faith. Reasons for this process are investigated, and emphasis is given to Pirogov's belief in a positive effect of religion on an individual. A number of general philosophical research methods is used (analysis, synthesis, analogy, comparison, interpretation), as well as the comparative-historical method and elements of the reconstruction methodology for creating the 'philosophical portrait' of the scholar. N. Pirogov's philosophical doctrine is given attention to, and his recognition of this science methodological role is pointed out. Additionally, the paper considers the scholar's pedagogical views that were characterised by a concern for the quality of secondary education (namely, its preoccupation with the testing system), and for preparation of highly-qualified teaching staff. The given work also highlights N. Pirogov's rather liberal interpretation of historical processes of Russia, and conceptualizing the future development of the country. A conclusion is made about the importance of N. Pirogov's ideas for modern education and social practices, which presents the research relevance.

Keywords: faith, the church, Christianity, philosophy, science, reforms, world view, education, upbringing, teacher.

Педагогические идеи Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) достаточно подробно исследованы: только в библиографическом указателе к его «Избранным педагогическим сочинениям» содержатся около 50 названий работ, посвященных этой тематике [4, с. 490–491]. В этой связи мы прежде всего хотим остановиться на анализе мировоззренческих взглядов мыслителя, на его отношении к религии, философии, на вопросах, связанных с развитием общества и социализацией личности. Религиозно-философские взгляды занимают достаточно значимое место в идейном наследии мыслителя, хотя у него и нет специальных теоретических работ, посвященных этой проблематике. Однако его суждения на данную тему весьма глубоки. Поэтому можно согласиться с Э. Л. Радловым, который отмечал, что «в истории русской философии Пирогову принадлежит почетное место». В то же время исследователь прав, когда замечает, что в отечественном любознательном имени этого ученого несправедливо «до сих пор обходили молчанием» [7, с. 119]. Правда, в работах В. В. Зеньковского и С. Л. Франка [3, с. 185–195; 8, с. 340–350] появляются справедливые оценки религиозно-философских взглядов Пирогова, а в современной литературе можно указать лишь монографию О. В. Доля, посвященную данной теме, иначе говоря, недооценка этой сферы его деятельности до сих пор сохраняется [2].

Мировоззрение Н. И. Пирогова на протяжении его жизни претерпело существенную эволюцию. Он справедливо утверждал: навряд ли «кому-нибудь из мыслящих людей удалось в течении целой жизни руководствоваться одним и тем же мировоззрением» [6, с. 13]. Вспоминая свое детство, будущий хирург и мыслитель отмечал, что в этот период он «искренне любил Бога» и у него было «религиозное, весьма развитое, чувство». Причем в его «понятии Бог, церковь, таинства служителей церкви и обряды составляли нераздельное целое». Однако, противореча сам себе, Пирогов утверждает, что «развитие этого благодатного чувства в душе ребенка не зависит от догматов» [6, с. 172]. Приращение догматической и обрядовой стороны религии — одна из особенностей его отношения к православию. С. Л. Франк был прав, отмечая, что «истинный духовный смысл христианской догматики остался Пирогову чуждым» [8, с. 349], но об этом мы еще будем говорить более подробно.

После окончания университета молодой медик «с жаром предавался эмпирическому направлению науки», и среди коллег у него даже появилась кличка «материалист». Однако вскоре он стал понимать, что современный эмпиризм — это «своего рода доктрина», и в силу этого он имеет односторонний характер, требуя от своих приверженцев следовать «одному и тому же направлению, считая его непогрешимым». При этом наука, несмотря на громадные достижения, все-таки носит ограниченный характер, и поэтому каждый человек «от колыбели до могилы окружен мировыми тайнами». Все дело в том, что наука узнает «исключительно одну внешнюю сторону окружающего нас мира и нас самих», так как исследователей интересует прежде всего «вопрос как, а не почему». К тому же индивидуальный ум в силу своей ограниченности «не может возвыситься до понимания тех высших целей творчества, которые присущи только уму неорганическому и неограниченному — мировому» [6, с. 38]. Именно «высшая мировая мысль» проникает в атомы, группируя их в «известную форму». Она одухотворяет окружающий мир и порождает жизнь, которая является «действующей силой, управляющей всеми свойствами вещества». «Мировой разум» и его проявления в мировой жизни недоступны эмпирическому научному анализу, ибо он «не может у нас быть конкретным или чисто фактическим». В. В. Зеньковский справедливо отмечает, что пироговское понимание «мирового разума» предвосхищает учение В. С. Соловьева о мировой душе, связанное с его «софиологическими идеями» [3, с. 190]. Причем у обоих мыслителей, рассуждающих о всеобщей одухотворенности природного мира, присутствуют пантеистические установки. Интересно, что и Пирогов, и Соловьев стремятся избежать обвинений в пантеизме, признавая источником одухотворяющего начала Абсолют.

Н. И. Пирогов приходит к выводу о том, что «понять идеальнейший из идеалов» можно лишь тогда, когда люди убедятся: «ведь это Абсолют, это Бог». Эту «высшую Истину» «мы и не должны сметь когда-нибудь... постигнуть» [6, с. 62], она не поддается рациональному анализу. Признав Бога и мировой разум творческими началами окружающего мира, ученый по-новому начинает относиться к идее эволюционного развития природы. Напомним, что еще в 1809 г. появилась «Философия зоологии» Ж. Б. Ламарка, обосновывающая эволюционную теорию, но настоящим прорывом в этой области стал труд Ч. Р. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых рас в борьбе за жизнь», опубликованный в 1859 г. Пирогов внимательно следил за новыми научными идеями и признавал, что эволюционная доктрина «не могла не дать повода к новым взглядам на органический мир и к новым его исследованиям» [6, с. 181]. Однако трактовка причин эволюции природы и появления человека, предложенная естествоиспытателями, мыслителя не устраивала. Все дело в том, что у них вершителем эволюции выступает случай, «внешняя комбинация факторов», и вместо доказательств они «верят в переходы и перерождения самых отдаленных типов животных». Итоговый их вывод один: «все рождено, не сотворено». Следовательно, перед мыслящим человеком стоит выбор, когда он задумывается о причинах эволюции, чему «нужно дать предпочтение — предопределению или случаю». Сам Пирогов отвечает однозначно: «я за предопределение». Более того, он даже не может «слышать без отвращения и перенести ни малейшего намека об от-

существованию творческого плана и творческой целесообразности в мироздании» [6, с. 182]. Объективный анализ окружающего мира обнаруживает «план и мысль во всяком проявлении мировой жизни», а значит, приводит к вере. Ученый сам констатировал, что к религиозным убеждениям он пришел, основываясь «на умозрении и знании». Однако на этом Пирогов не останавливается, а задает себе следующий вопрос: «...во что я верую?» [6, с. 191].

Вера радикально отличается от знания, так как первая основывается на «безусловном доверии к избранному идеалу», второе же опирается «на сомнение», — в силу этого они «между собою и никогда не сойдутся» [6, с. 193]. В первые годы медицинской практики Пирогов считал «специализм главной целью», отсюда «рассудочная последовательность», строгая доказательность выдвигаемых положений. Но вскоре он «прозрел» и убедился в ограниченности этого подхода. Есть идеальная сфера, есть вера, которой «нет дела до результатов положительного знания». Мыслитель даже считает, что Тертуллиан был «глубоко прав», когда утверждал «Credo quia absurdum», так как вера не нуждается в рациональном оправдании. Однако из этого не следует, что индивид, если он верующий, должен отрицать науку, а если он ученый — то веру. В действительности личность может быть и «человеком науки и человеком веры», при этом и «в вере, и в науке вполне искренним» [6, с. 195]. Приведенные рассуждения свидетельствуют о том, что мыслитель был сторонником теории двойственной истины, согласно которой духовная область — это предмет религиозной веры, а материальный мир — это предмет науки. При этом обе эти сферы существуют параллельно, и истины одной не пересекаются с истинами другой. Признание реальности Абсолюта и верховного вселенского разума не делает их общедоступными, они все-таки носят отвлеченный характер, но трансцендентное делается для людей реальным «в лице Богочеловека». Для Пирогова осознание того, что «среди нас жил человеческою же жизнью Спаситель, испытал на себе муки и радости этой жизни, было таким, еще никогда не испытанным, счастьем» [6, с. 198]. Именно Иисус Христос задает «недостижимый высоты идеал веры», кроме него двумя самыми существенными составляющими этого идеала являются «всеобщая любовь и благодать Святого Духа». В то же время для ученого с идеалом веры не связано догматическое учение, более того, «обязательная, а потому и принудительная догма» отличается от «духа, идеала и сути самого учения». В первоначальном христианстве, с его точки зрения, догматические начала еще не носили всеобщего характера; они торжествуют, когда появляется «государственная или казенная церковь». Вместо «свободного определения в любви и вере» на первый план выходит «внешняя принадлежность к церкви», а значит, и церковные обряды и требы. Даже Евангелия «в нашей обрядовой церкви» считаются духовенством и мирянами «священными не по содержанию... а священными как предмет, формально» [6, с. 206]. Конечно, во второй половине XIX в. в церковной жизни было много формализма, однако без исповедования Символа веры, без участия в христианских таинствах нельзя было быть членом Церкви. С. Л. Франк правильно замечает, что доминантная для Пирогова христианская истина о «богочеловечности Христа и благодатной основе христианской духовной жизни» уже сама по себе есть догмат, причем основополагающий, «по срав-

нению с которым все остальные догматы могут считаться только дальнейшим его раскрытием и осмыслением» [8, с. 349]. Да и сам мыслитель временами осознавал, что его критический пафос по отношению к исторической церкви не носит объективного характера, а обусловлен субъективными причинами: «...я увлекаюсь, говоря так о Церкви и ее служителях» [6, с. 206].

Процесс превращения христианства в государственную религию, по мнению Пирогова, имел не только «негативные последствия», но и содержал много позитивных начал. В целом человеческий прогресс, как бы его «путь ни был извилист», все-таки побеждает в истории, и в этом проявляются «благодатные последствия» христианизации народов, которая «прояснила наши мировоззрения, взаимные отношения народов и государств». Под эгидой христианства происходит «возвышение личности», формируется «снисхождение к побежденному врагу» и потребность в благотворительности, а также «много очистилась нравственность». Однако, считает Пирогов, было бы неверно думать, что Иисус Христос «предлагал коренной социальный переворот», с тем чтобы заставить «богатых раздать свое имущество нищим и сделаться всем нищими» [6, с. 219]. Приведенное рассуждение свидетельствует о том, что мыслитель не принимает идеи социализма.

Положительно оценивая роль христианства в развитии общества, Пирогов обращается и к российской ситуации и также признает позитивное влияние государственной церкви на социум, хотя она была и «догматизированной и обязательной». Поэтому он по отношению к ней делает следующий вывод: «поневоле приходится убеждаться, что все существующее разумно, т. е. причинно...» [6, с. 210]. Следовательно, и догматизм, и особое внимание к культовой практике имеют свои причины и обусловлены не «своеволием иерархов», а особенностями церковной жизни.

Религиозная вера, и в частности православное вероисповедание, содержит «консервативное начало» — такая ориентация на традиции помогает эффективно управлять массами. Поэтому государству для стабильного существования важно «поддержать старую веру, как сильнодействующее средство». В то же время церковь должна учитывать и «современный контекст» своего бытия. В этих условиях «самая трудная задача для современной государственной церкви — это избежать крайностей консерватизма и прогресса» [6, с. 234–235]. С точки зрения Пирогова, реальная историческая церковь предметом своих забот имеет «не столько веру, сколько религию», а между этими понятиями «есть значительная разница». Вера имеет дело с абсолютным духовным идеалом, и в ней нет «никаких мирских целей и задач», она — «индивидуальная потребность души». Напротив, дело религии — «поддержание и упрочение общественных связей посредством нравственно-духовного начала» [6, с. 235]. Итак, с позиции Пирогова, вера индивидуальна, а религия социальна. Но, по нашему убеждению, такое разделение не выдерживает критики, так как сама вера является частью религиозного комплекса, и поэтому противопоставлять эти два феномена некорректно. Мыслитель, хотя и признает влияние религии на общество, в то же время, на наш взгляд, его недооценивает. Так, он считает, что «различия в убеждениях религиозных» есть только «кажущиеся причины междунациональной вражды» [5, с. 237]. В действительности же и история народов, и современные

межнациональные отношения показывают, что часто именно религиозные факторы играют доминирующую роль в межэтнических конфликтах.

Н. И. Пирогов, критично относясь ко многим сторонам церковной жизни, в то же время на вопрос: «Какого он вероисповедания?» — однозначно отвечал: «Православного — того, в котором родился и которое исповедовала вся моя семья». Более того, с его точки зрения, каждый гражданин государства, имеющего «свою государственную (господствующую) церковь, если он родился в лоне этой церкви, обязан остаться ей верным на целую жизнь, — как гражданин» [6, с. 229]. В этой связи его сомнения в правильности тех или иных сторон церковной жизни «тут ни при чем». Итак, принадлежность людей, рожденных в рамках православия, к этой конфессии, как считает мыслитель, является важным «признаком гражданина» — данный вывод еще раз подчеркивает значимость православной традиции в жизни России.

Наряду с религией большое значение для самоопределения личности, с точки зрения Пирогова, имеет философия, и потому он испытывал к этой науке большое уважение. Мыслитель отмечал, что в период античности именно философия была самым важным предметом занятий, так как она считалась «главным основанием всех наук» [4, с. 38]. И в эпоху Средних веков, и в период Нового времени философия в Европе выступает важнейшим гуманитарным общеобразовательным предметом. В силу этого она даже и в настоящее время, указывает мыслитель, испытывает определенную цензуру со стороны религиозных организаций. Поэтому профессора философии находятся под пристальным вниманием теологических факультетов, хотя последние уже не могут «вовсе приостановить направление других наук, кажущееся им вредным или безнравственным». Российские университеты в отличие от германских, по мнению Н. И. Пирогова, также были созданы правительством, но никогда не были так формально подчинены «влиянию господствующей церкви», хотя в то же время в преподавании они не могли «отступать от догмы православия» [4, с. 322]. Особенностью преподавания гуманитарных дисциплин в отечественных университетах было отсутствие систематического изучения философии. В 1850 г. министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов в докладной записке Николаю I сделал вывод, что преподавание философии «не отвечает видам правительства», поэтому его распоряжением были закрыты кафедры философии в университетах и от философских курсов остались только логика и психология. В этой связи понятно, почему Н. И. Пирогов констатировал факт отсутствия в вузах кафедр философии, и «потому не мудрено, что нет философов и мало людей, понимающих связь наук» [4, с. 382]. Следовательно, русский ученый признает большое методологическое значение философии, причем не только в сфере частных наук, но и в выработке жизненных целей. Она помогает «одолеть робость ума» и «взглянуть на идеал, как бы он ни казался светел или непроницаем». И вывод Н. И. Пирогова однозначен: «...каков человек, такова его и философия. Конечно, тут все зависит от индивидуального склада ума» [5, с. 3]. Но важно подчеркнуть, что игнорирование идеального начала приводит к формированию «ошибочного взгляда на само начало». В этой связи существует субординация между философией и религиозной верой, и мы уже отмечали, как она выстраивается Пироговым, на примере понимания им причин эволюции, которая для него «со-

творена, а не порождена». Поэтому ученый отвергает материализм и «логическое оплечение», которые все объясняют естественными причинами.

В силу этого понятно, что в трактовке сущности человека Н. И. Пирогов исходит из христианских представлений о его дуализме. С одной стороны, существует «зоологический человек», который «крепко держится за сущность», т. е. за материальные блага, с другой — духовно-нравственный, ориентирующий на духовные ценности. Причем из этого не следует, что материальные интересы всегда вредны, но должны быть приоритеты в сознании, и духовное должно доминировать в стремлениях индивида. Вообще «добро и зло довольно уравновешены в нас» и «нет никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности... влекли нас более к худому, нежели к хорошему» [4, с. 32]. Этот тезис вступает в определенное противоречие с православным утверждением о «повреждении первородным грехом природы человека». Более того, для ученого несомненно, что сам прогресс общества возможен лишь тогда, когда «есть твердая вера в образовательную, творческую силу человеческой личности. Без нее все... мертвая буква» [5, с. 22]. Однако реальная жизненная практика вносила в эти оптимистические установки определенные коррективы, отсюда признание за человеком «немощи духа». Она содержится «и в политике, и в науке, и в искусстве» как зло, как реакция, и основа ее «есть именно односторонность». Ярким ее проявлением является отношение к прогрессу, рассматриваемому прежде всего как создание условий для удовлетворения материальных потребностей человека, достижения им внешнего комфорта. При этом забывается, что при социализации личности необходимо «дать созреть и окрепнуть внутреннему человеку», с тем чтобы он смог «подчинить себе наружного», ибо без этого невозможно «научиться быть людьми», а значит, и «полезными гражданами».

Но достижение этой цели — весьма трудная задача, так как «самые существенные основы нашего воспитания находятся в совершенном разладе с направлением, которому следует общество» [4, с. 32]. Современный русский человек с детства приобщается к христианской традиции, в том числе к православной сотериологии, которая, опираясь на Божественное Откровение, считает его главной целью загробное воздаяние, т. е. «приготовление к вечному будущему в Царстве Небесном».

В то же время в направлении развития современного общества «мы не находим в его действиях ни малейшего следа этой мысли». По мнению Н. И. Пирогова, для преодоления «этого разлада» существуют «три возможности, или пути»: во-первых, согласовать «нравственно-религиозные основы воспитания» с эволюцией «состояния социума»; во-вторых, «переменить направление общества»; в-третьих, «приготовить нас воспитанием к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив нам все способы и всю энергию выдерживать неравный бой» [4, с. 36].

Первый путь приведет к девальвации духовных ценностей, к отказу от того, что нам «осталось на земле святого, чистого и высокого». На примере «папизма под личиной иезуитства» история показала ущербность и несостоятельность подобной программы. Второй путь неосилен для человека в современной ситуации, так как «изменить направление общества есть дело Промысла

и времени». Остается лишь третий путь: «он труден, но возможен», именно на нем происходит победа «внутреннего человека над внешним» и формируются «свойства духа», позволяющие человеку стать достойным гражданином.

Воспитание не может носить абстрактный характер, но, к сожалению, в России «воспитание и учение идут сами по себе, а жизнь идет своим чередом». Причем существует закономерность, согласно которой чем «менее образовано общество», тем более в нем «разъединены школа с жизнью». Есть три институции, а именно «церковь, школа и государство», которые «нераздельны с жизнью» [5, с. 65]. Следовательно, именно от их действий зависит поступательное движение просвещения — в этой связи остановимся на задачах, сформулированных Пироговым для этих организаций.

Мы уже отмечали, какое большое значение он отводит религиозной вере в жизни человека: она помогает сохранить «высшие понятия» от натиска материальных представлений, присущих «телу, а не духу». Тогда очевидно, что преподавание Закона Божия необходимо, так как он обращает «внимание человека на мир внутренний». Однако в его изучении много формализма, и Н. И. Пирогов, вспоминая свои школьные впечатления, отмечал, что про «Закон Божий он даже не говорит», так как, «конечно, не катехизисом и не священной историей, в ее школьном наряде, мог он привлечь мое внимание» [4, с. 464]. В университетах существуют кафедры богословия, призванные знакомить студентов уже на новом уровне с христианским учением и в то же время критически анализировать безрелигиозные концепции. Эта задача весьма сложная, поэтому «внесение богословского учения в университеты — с целью противодействия материальному направлению других наук — требует отчетливого и глубокого изложения всех его элементов, в научной связи» [4, с. 375]. Университетский курс богословских наук по большей части не соответствует этим требованиям, поскольку является фрагментарным, «не имеющим органической связи с другими предметами». Каким способом можно повысить эффективность этого курса, ученый «судить не берется». Однако очевидно, что если кафедру богословия возглавляет «высокая личность», то она «может иметь свою долю благотворного влияния». Наконец, еще одна проблема, связанная с изучением богословия в университетах, — это требование обязательного посещения занятий по этому предмету. Однако, по мнению Н. И. Пирогова, «обязательность вообще не совместима с университетским учением», так как она «легко переходит в бесплодную формальность». В этой связи понятно: обязательность «нельзя принять как воспитательный элемент университета». Более того, прослеживаются ее «отрицательные результаты», так как она может послужить причиной «печальной апатии к святому».

Итак, преподавание богословских дисциплин нуждается в совершенствовании, и нужно думать, «в какой мере можно всего этого достигнуть». Важно понять, что от решения этой проблемы «зависит не только будущее наших университетов, но и вообще судьбы нашей русской науки» [4, с. 375]. Этот вывод связан с общей направленностью мировоззрения Н. И. Пирогова, с его убеждением о позитивном влиянии религиозной веры на личность, отсюда и стремление к тому, чтобы «религиозные истины и чувства укрепляли молодое поколение» [4, с. 374].

Важнейшая роль в повышении эффективности образования и воспитания принадлежит школе. Но в этой образовательной сфере, по мнению ученого, присутствует ряд существенных недостатков. Конечно, «жизнь скоро убеждает, что всех противоречий и непоследовательностей избежать нельзя», но все же их влияние можно уменьшить, если школа будет следовать «одному общему, последовательно проведенному началу». Это начало «должно быть руководителем жизни на пути к будущему». При этом следует избегать «ненасытной утилитарности», которая все больше овладевает обществом. Именно следствием этой тенденции является рассмотрение учебных заведений как «фабрик,готавливающих товар для потребления». Отсюда стремление и родителей, и представителей образования к ранней специализации детей. Однако односторонняя направленность подготовки детей деформирует их духовные качества, снижая способности объективно оценивать сложные жизненные явления, формируя потребительский подход к окружающему миру. Только общечеловеческое, т. е. гуманитарное образование касается «самой важной нравственно-духовной стороны нашей жизни», содействуя «развитию самых драгоценных свойств человеческой натуры, — мысли и слова». Поэтому должны и родители, и школа прежде всего позаботиться о «предварительном общечеловеческом образовании» [4, с. 41].

Другим важным недостатком образовательной системы в России является «слишком неравномерно распределенное образование в различных слоях общества». «Сословные и другие предрассудки» отстраняют широкие массы от знаний, от «получения общечеловеческих сведений» и закрепляют «бездну, разделяющие касты». Пирогов был убежден, что образование «не должно быть монополией господствующих классов», — в этой связи необходимы и организационные, и педагогические усилия для просвещения «рабочих сословий». При этом он считал, что уровень общечеловеческого образования «во всех народных, сельских и городских школах» должен быть элементарным и «как можно ранее и как можно прямее, переходить в реальное и прикладное». А общечеловеческое образование, включая древние языки, необходимо строить на фундаментальной основе для «высших классов до перехода к специальному». Следовательно, мыслитель признает, что объем изучения гуманитарных наук «двойкий для различных слоев общества» и зависит он в первую очередь «от материального достатка» [5, с. 76]. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с утверждением о том, что «социально-педагогические позиции Н. И. Пирогова наиболее ярко проявились в его последовательной борьбе за общедоступную бессословную школу» [1, с. 9]. Да, народные массы, по мысли Пирогова, должны иметь доступ к просвещению, но его объем все-таки зависит от социального положения учащихся. Привилегированное образование получают лишь высшие сословия.

Еще «одна беда» российского образования — это формализм, господствующий в его организации. В силу этого вместо «обогащения ума и духа учащихся» в результате изучения ими основ наук в учебных заведениях господствует «экзаменационное направление». Его цель — сообщить обучающимся «официально-школьное знание», обеспечивающее перевод из класса в класс, и его можно назвать «классно-переводным». Но подлинное знание не может быть «чисто формальным; оно непременно должно касаться и самого содержания; оно всегда будет сообразно и с возрастом, и со способностями

ученика» [4, с. 169]. В этой связи в учебных планах необходимо уменьшить число экзаменов и проводить «как можно больше деятельных занятий наукою». Активное включение учеников в образовательный процесс позволит в изучении предметов выявить «другой важный элемент — воспитательный» [5, с. 97]. Сейчас же даже уровень воспитанности, т. е. поведения учащихся, оценивается «по цифрам и баллам» — этот факт мыслителем характеризуется как «педагогическая несообразность». В целом пафос пироговского анализа образовательной системы направлен против «бессмысленного поклонения мертвой букве»: он последовательно выступает за творческое начало в просвещении, которое действует «разумно, применяясь к свойству самого предмета, к личности и степени развития учеников и самих учителей» [4, с. 171].

Наконец, еще одна образовательная тема находилась в центре внимания мыслителя — это все, что связано с учительством. Его беспокоила низкая квалификация педагогов, и он постоянно доказывал, что «необходимо заняться их подготовлением». Поэтому Пирогов предлагал создать целую систему педагогических учебных заведений, так как университеты не готовят своих выпускников специально к учительскому труду. При этом важно будущему педагогу давать не только глубокие знания о предмете, который он будет преподавать, но и вооружать его методикой передачи научных сведений, ибо главное «в обучении детей состоит не в том, что им сообщается, а в том, как им сообщается изучаемое» [4, с. 101]. В процессе подготовки учителей очень важна «практическая направленность», т. е. связь со школой, в которой они «должны найти средства выработать свои педагогические способности занятием и упражнением с учениками» [5, с. 91]. Сама деятельность учителя предполагает творческое начало, но вместо этого существующие порядки заставляют его «употреблять все свои силы на точное и пунктуальное соблюдение официальных программ». С точки зрения мыслителя, регламентация учебного процесса «необходима для неопытного и посредственного преподавателя». «Дельный, опытный, талантливый учитель» не должен в своей деятельности сковываться внешними запретами, он «не нуждается в программе: она у него в голове, а не на бумаге». Только свободный педагог может использовать «современные способы и приемы», при помощи которых новаторская педагогика «содействует органическому усвоению ребенком научных истин и так мощно развивает умственные способности учащегося» [4, с. 101].

Итак, для «коренного преобразования» школьного обучения необходимо новое учебное законодательство, дающее больше прав учителю, но «нужны не одни новые законы, а новые люди». Появление этих «новых людей» связано не только с их подготовкой, но для этого необходимо изменение социального статуса педагога. Нехватку «дельных наставников» необходимо «приписать еще недостаточному их содержанию и незавидному положению в обществе» [4, с. 84]. Причем откладывать назревшие перемены в российской системе образования нельзя: без них развитие общества будет невозможным. У Н. И. Пирогова имеется и обширная программа реформы университетского образования, но это специальная тема, и мы не будем ее касаться.

В истории России огромная роль принадлежит государству, которое «нераздельно с жизнью», так как именно под его влиянием происходит со-

циализация индивида. В этой связи понятно, почему Н. И. Пирогов много внимания уделяет оценке России, ее истории и современного состояния. Он отмечал, что для этой обширной территории с «разноплеменным населением» самодержавная форма устройства государства наиболее приемлема и «историческое развитие дает этому образу правления у нас еще более прочное основание» [6, с. 308]. Особое место в истории Отечества занимает Петр I, политика которого «сообразовывалась с духом времени», и в силу этого он сумел поставить «Россию — с государственной и правительственной точки зрения — на уровень со всеми европейскими государствами». Екатерина II и Александр I «в первую половину царствования также начали делать коренные преобразования», которые не соответствовали «строго консервативному началу самодержавия». Однако в период правления Николая I установился режим, в результате которого «дворцовая камарилья» и высшее чиновничество подавляли «всякую свободную мысль», «всякое стремление к прогрессу», недовольство общества «загонялось внутрь», а на поверхности «все было шито и крыто». Этот период доказывает, что «медленный процесс кристаллизации государственного быта не терпит насилий» [4, с. 407].

Время правления Александра II для Пирогова можно сравнить с периодом петровских реформ: император, как и его предшественник, вступил «на широкий путь радикальных внутренних органических и самых существенных преобразований» [6, с. 309]. Несмотря на сопротивление реакционных кругов, было отменено крепостное право и приведены другие прогрессивные преобразования. Среди интеллигенции, молодежи начинают господствовать настроения, «совершенно противоположные консерватизму». Эти круги надеялись на углубление преобразования, которое «наиболее бы соответствовало современным общественным потребностям». Речь прежде всего шла об ожидании того, что «просвещенная воля монарха даст стране представительство и свободу мысли, слова и научных исследований», а также распространение в среде крестьянства «благополучия, грамоты, здравых понятий, уважения к правам собственности и закону» [6, с. 306]. Однако эти чаяния не оправдались; нерешительность и вялость власти в проведении реформ «поселяли недоверие, недовольство, отчаяние или равнодушие». Непоследовательность государственной политики проявилась и в сфере просвещения. Так, гимназический Устав 1871 г. утвердил в преподавании доминирование классических языков — греческого и латинского. Причем нововведения были обусловлены не заботой о развитии образования — эти «перемены делались с задней мыслью воздействовать на будущий образ мыслей и влечений учащихся» [4, с. 440]. Классицизм, по мнению властей, должен был отвлечь гимназистов от социально-политических проблем. Новый университетский Устав 1863 г. даровал университетам широкую автономию. Однако тут же началась борьба за ее отмену и за усиление государственного контроля над высшими учебными заведениями, а также «за сокращение границ этого образования». Вместо поощрения занятий науками Министерство народного просвещения усилило полицейский надзор за студентами и «занялось исключительно травлей молодежи». Пирогов «видел и слышал» этих студентов, «боготворивших Герцена и Бакунина за неимением к почитанию ничего лучшего» [6, с. 292].

Результатом всеобщего недовольства воспользовалась «шайка злоумышленников», которая вступила в борьбу с существующей властью. Ее идеология «с легкой руки Герцена, Огарева, Бакунина» начала формироваться еще в Николаевскую эпоху. Причем вместо продуманной критики «социальной русской пропаганды» Николай I запретил «говорить о ней и называть по имени вожаков» [6, с. 317]. Данная ситуация стала одной из причин, почему «ложные утопии, пропагандою коммунаров и коммунистов», стали в обществе влиятельной силой. В результате «один из лучших наших государей погиб преждевременно от насильственной смерти». Причем у царевубийц была ненависть не столько к личности Александра II, то была скорее ненависть к государству, и целью их было содействие «расстройству и потрясению ненавидимого ими государственного строя» [6, с. 298].

Для преодоления дезориентации общества, пресечения крамолы существуют лишь «два средства: или «диктатура и осадное положение», или же «представительство и самодеятельность всего общества». Первый путь в современных условиях, по мнению Пирогова, «едва ли теперь возможен» — остается лишь второй путь. Он состоит в развитии гласности, «в заявлении общественных нужд, интересов и недостатков», в преодолении чрезмерной административной власти, в формировании общественного представительства, «с ответственностью перед тронem и государством». Реализация этой программы, «уничтожив недовольство», прекратит вместе с этим и «подпольную интригу».

Интересно отметить, что, выступая за создание представительного органа, т. е. парламента, за ослабление влияния административного аппарата, мыслитель в то же время не сомневался, что «каждый русский, любящий свое отечество, не пожелает ослабления государственной мощи и власти; это было бы равносильно желанию видеть Россию распавшейся на части» [6, с. 288]. Однако было бы неверным связывать усиление этой власти с расширением прав «аппарата подавления», так как эти меры «могут произвести эффект, противоположный ожидаемому». Н. И. Пирогов был убежден, что только путь преобразований приведет к укреплению и стабилизации монархии, так как «страну нельзя уже свести с пути прогресса».

Причем прогресс он понимал в либерально-западническом духе. С его точки зрения, рассуждения о самобытности России, о любви к ней «не должны туманить наш здравый смысл. Нам не миновать процесса общечеловеческого развития» [6, с. 334]. В России по отношению к этому процессу существует «национальная странность», которая проявляется в том, что «мы или рабски подражаем», или стремимся «перещеголять всех других». В этой связи русские хотят разом попасть «на самую последнюю ступень» европейского развития. И то, что «другие достигали медленно, переходя от одной ступени на другую, мы хотим одолеть разом» [6, с. 316]. Но, к сожалению, это невозможно, и наша участь — еще долго «находиться позади Европы», так как ее достижения будут доступны России лишь с течением длительного времени.

Н. И. Пирогов последовательно выступает против общинного начала в крестьянской жизни, апологией которого занимались многие отечественные мыслители. С его точки зрения, «недуги России» можно преодолеть только путем «развития индивидуальной личности и всех присущих ей свойств»

[6, с. 334]. Этой цели должна подчиняться политика правительства, ему необходимо выступать против «нивелирования личности», за преодоление ее угнетения «стадными свойствами». По мысли Пирогова, Россия со второй половины XIX века, с периода воцарения Александра II, вступила «в новую эру ее существования»: начинает формироваться «движение к закону, долгу, власти», причем «не угрозами, не преследованием», а «прямым и гласным убеждением и примером». Таким образом, хотя в оценке будущего России мыслитель допускал антиномичные суждения, в целом он все-таки верил в великую будущность своего Отечества.

Итак, идейное наследие Н. И. Пирогова содержит ряд установок, имеющих для современного общества явно позитивное значение. Ученый личным примером показал ошибочность утверждения об обязательном антагонизме религиозной веры и научного знания; заслуживает внимания его обращение к воспитанию «внутреннего человека», т. е. к духовно-нравственным качествам личности, и в этой связи критика ранней специализации, насаждающей утилитарный подход к окружающему миру. Как никогда актуально звучит пировская критика экзаменационного направления в образовании, искажающего подлинные цели обучения.

Особая тема — это обоснование необходимости создания продуманной системы подготовки учителя, повышения его социального статуса и необходимости улучшения материального обеспечения педагога. Мыслитель также предупреждает об опасности радикальных социальных преобразований и выступает за эволюционное развитие общества. Изложенные выше проблемы и сегодня являются важными для России, так как многие из них еще далеки от разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексюк А. Н., Савенок Г. Г. Педагогические взгляды Н. И. Пирогова // Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. — М.: Педагогика, 1985. С. 6–28.
2. Доля О. В. Философия Н. И. Пирогова. — М.: Республика, 2009. — 224 с.
3. Зеньковский В. В. История русской философии. — Л.: Эго, 1991. — Т. 1. Ч. 2. — 278 с.
4. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. — М.: Педагогика. 1985. — 496 с.
5. Пирогов Н. И. Собрание литературно-педагогических статей, вышедших в управление его Киевским учебным округом (1858–1861). — Киев: Университетская типография, 1861. — 253 с.
6. Пирогов Н. И. Сочинения. — Киев: Издание Пироговского товарищества, 1916. — Т. 2. — 704 с.
7. Радлов Э. Л. Очерк истории русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. — С. 96–216.
8. Франк С. Л. Русское мировоззрение. — СПб.: Наука, 1996. — 738 с.